

Дорогие Друзья!

Коллеги!

Я искренне рад приветствовать всех вас в Большом театре России. Символично, что наша встреча в отреставрированном здании проходит именно сегодня, 27 октября 2012 года. Завтра исполнится ровно год с того дня, когда после шести лет реконструкции и реставрации открылась историческая сцена. Я знаю, что весь театральный мир следил за процессом реставрации Большого театра России. Я чувствовал поддержку профессионального сообщества и хотел бы искренне поблагодарить всех моих коллег, кто поддерживал нас все эти годы.

Тема первой конференции «Опера Европа» в Москве – **«Сквозь железный занавес»** – была предложена московскими членами ассоциации не случайно.

Оперный мир давно стал глобальным. Даже в тот период, когда все театры Советского Союза по известным причинам находились в изоляции от мирового оперного процесса, советские режиссеры, артисты и дирижеры участвовали в постановках за рубежом, и зарубежные исполнители выходили на сцены советских театров и концертных залов. Интеграционные процессы в культуре так же неизбежны и эффективны, как и в экономике, в финансовой сфере и в политике. Мы знаем множество примеров интеграции, когда в результате объединения ресурсов повышается эффективность, растет производительность, появляются дополнительные рабочие места, повышается качество продукции, и, как следствие, улучшается качество жизни.

Железный занавес, вынесенный в название московской конференции, никогда не существовал в реальности. Это политическое клише, получившее современный смысл благодаря Уинстону Черчиллю, применившему это выражение в своей Фултонской речи в 1946 году; его нельзя было увидеть или потрогать. В отличие от Берлинской стены, за разрушением которой с восторгом и волнением осенью 1989 года миллионы людей наблюдали в прямом эфире по всем телеканалам мира, железный занавес существовал только в сознании людей. Он реализовывался в правилах, законах и инструкциях, которые ограничивали **нашу и вашу** свободу. В том числе и свободу творческую.

Прошло более двадцати лет с тех пор, как «железный занавес» рухнул. Изменения, произошедшие в России за эти годы – грандиозны. Мы стали открытой страной. Ежедневно на сцены театров и концертных залов России выходят зарубежные исполнители. Режиссеры, дирижеры, художники из разных стран мира создают постановки для наших театров, которые с успехом идут в репертуаре. Постановочные группы, исполнители и дирижеры из России активно работают во всем мире. Это стало обычным делом. Когда-то, когда в Европе только создавались условия для интеграции, пресловутый «железный занавес» в СССР не позволял даже мечтать о том, что сегодня стало нормой. И все эти изменения произошли **всего** за 20 лет.

Железный занавес как образ и причина, по которой любая интеграция в глобальном смысле была невозможна, давно упал. Но оказалось, что открытые границы и возможность свободно передвигаться по всему миру есть условие необходимое, но не достаточное для полноценной интеграции в мировой музыкальный контекст. А «железный занавес» остаётся на уровне бюрократических барьеров, конфликтов наших законодательств, разницы в культурном восприятии – то есть во всем,

что усложняет и замедляет взаимную интеграцию российского и европейского оперного процесса, и не позволяет российским театрам полноценно сотрудничать с европейскими коллегами по понятным и справедливым правилам. И между театрами по-прежнему опущен этот самый «железный занавес», но уже не политического, а иного характера, который рождает недоверие и существенно сдерживает наше взаимодействие.

Тема сегодняшнего обсуждения – **«Совместные постановки (co-productions) сквозь железный занавес»**. Совместная оперная постановка – самая актуальная и востребованная форма интеграции в современном музыкальном процессе. Более половины всех оперных постановок в Европе – результат совместной работы двух и более театров и фестивалей. К сожалению, опыт участия российских театров в совместных постановках крайне незначителен. И дело не в том, что российские театры не хотят принимать участия в таких постановках или, наоборот, европейские театры и оперные фестивали предпочитают не привлекать российских коллег в качестве сопродюсеров. И то, и другое не соответствует действительности. Российские театры давно и очень настойчиво претендуют на такое участие. Европейские театры и фестивали с интересом и надеждой смотрят в сторону России, понимая, что у нас имеются весьма серьезные ресурсы для участия в совместных постановках и создания собственных спектаклей, способных стать продуктом совместной деятельности. Речь идет и о наличии крупных музыкальных домов с высокой международной репутацией, с интересными творческими идеями. И о наличии профессиональных кадров. И о финансовом ресурсе, разумеется. Возникает вопрос: почему же, являясь полноценными участниками ассоциации «Опера Европа», постоянно работающими на конференциях по всем ключевым вопросам организации жизни оперных театров, включая рынок совместных постановок, российские театры

практически не представлены как сопродюсеры в совместных постановках в Европе? Почему европейские театры практически не представлены как сопродюсеры в постановках российских музыкальных театров?

Ответ, к сожалению, прост. Российское законодательство исключает возможность для российских театров участвовать в совместной деятельности, коей, по сути, является совместная постановка. Такая возможность исключена не только применительно к сотрудничеству с зарубежными театрами, но и на внутреннем, российском рынке. Причина такого строгого запрета – отношения собственности. Государственные театры, получающие финансирование за счет бюджета и управляющие государственной собственностью, не вправе участвовать в совместной деятельности, предметом которой является создание общей (долевой) собственности – имущества спектакля.

Объективность интеграционных процессов, неизбежность объединения ресурсов в интересах публики, получившей возможность с помощью современных средств связи, Интернета и кабельного телевидения следить за тем, что происходит в мировой оперной жизни, заставило крупные музыкальные театры в России найти законные способы участия в совместных постановках, даже находясь в столь жестких рамках Гражданского Кодекса РФ. Такой вызов смогли принять пока только крупные музыкальные театры, которые вынуждены входить в совместные постановки только в качестве **арендаторов**. Недостатки такого подхода очевидны. Помимо значительных финансовых издержек в виде дополнительных налогов на арендную плату, возникают и репутационные потери – арендатор никогда не становится совладельцем постановки. Более того, в соответствии с российским законодательством арендодатель имущества постановки может быть определен только по результатам

конкурсных процедур, в которых он должен принимать участие. Мои коллеги из европейских театров, с которыми Большой участвовал в совместных постановках, понимают, что я имею в виду...

Предложив сегодняшнюю тему дискуссии, мы рассчитываем на откровенный и честный разговор о той ситуации, которая сложилась сегодня в части совместных постановок с российскими театрами, которую я вкратце описал. Нам крайне важно услышать ваше профессиональное мнение о том, что мешает вам работать с российскими коллегами, что вызывает неуверенность, сомнения, или кажется неприемлемым по той или иной причине. Мы, со своей стороны, также готовы на откровенный профессиональный разговор с вами.

Я далек от мысли, что, закончив сегодняшний диалог, мы решим все проблемы, и жизнь завтра же изменится. Конечно, это не так. Вероятно, пройдет еще много времени, прежде чем количество высказанных нами пожеланий и профессиональных рекомендаций в адрес наших президентов, правительств и парламентов перейдет в качество их решений применительно к культуре вообще и к оперным театрам в частности. Но я абсолютно убежден, что только если пытаться создавать новые нормы и правила, если рисковать, есть шанс (по крайней мере, теоретический), что оперные театры России выйдут на совершенно иной уровень, завоюют новую нишу, создадут интересные совместные постановки, привлекут нового, молодого зрителя и найдут преданных богатых спонсоров. Театр – это всегда риск. И в первую очередь, риск творческий. Если участвовать в создании новых правил, предлагать новые идеи и привлекать новых партнеров, есть небольшой шанс на успех. Если этим не заниматься, то шанса на успех нет. Российские музыкальные театры – прекрасно оснащённые,

высокопрофессиональные коллективы, выпускающие, как правило, хорошие спектакли. Но то, что сегодня хорошо, не обязательно будет так же хорошо завтра. Публика хочет, чтобы ее удивляли. И театрам необходимо привлекать в залы молодёжь и удивлять ее. Привязывать к театрам на эмоциональном уровне. Завоёвывать ее внимание. Воспитывать театральный вкус. Концентрируясь на пути развития музыкального театра в отрыве от мирового тренда, российские театры рискуют потерять молодёжь в своих залах, а в перспективе 25-30 лет потерять публику вообще.

Невозможно научиться выживать, не прилагая для этого усилий. Будущее музыкального театра, безусловно, связано с его полной интеграцией в мировой музыкальный контекст. И нам имеет прямой смысл использовать все возможности, чтобы **вместе** создавать это будущее.

Спасибо.